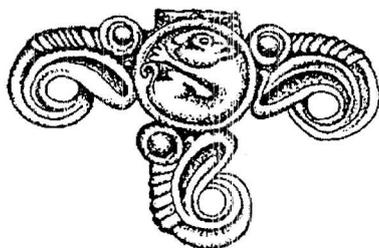

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
АДМИНИСТРАЦИЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

*I Международная Нижневолжская
археологическая конференция
г. Волгоград, 1—5 ноября 2004 г.*

Тезисы докладов

Волгоград 2004

ББК 63.4(2Р354)я43
П78

Редакционная коллегия:
А.С. Скрипкин (отв. редактор), В.М. Клепиков,
И.В. Сергацков, А.Н. Дьяченко,
Л.В. Яворская (отв. секретарь), Е.А. Коробкова

Подготовка и проведение конференции осуществлены
при финансовой поддержке РГНФ
(грант № 04-01-20201 Г/В), РФФИ (грант № 04-06-8504)
и Администрации Волгоградской области

Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Между-
П78 **народная Нижневолжская археологическая конференция,**
г. Волгоград, 1—5 ноября 2004 г.: Тезисы докладов. — Вол-
гоград: Изд-во ВолГУ, 2004. — 372 с.
ISBN 5-85534-952-7

Сборник тезисов докладов на I Международной Нижневолжской археологической конференции посвящен проблемам археологии Нижнего Поволжья. Авторы сборника — археологи Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Казани, Самары, Волгограда, Саратова, Элисты, Астрахани и других городов — рассматривают актуальные проблемы эпохи камня и бронзы, раннего железного века и средневековья Нижнего Поволжья.

Для научных работников, краеведов, учителей и всех, кто интересуется древней историей нашего региона.

ББК 63.4(2Р354)я43

ISBN 5-85534-952-7

© Коллектив авторов, 2004
© Издательство Волгоградского
государственного университета, 2004

что полтавкинская культура более ограничена во времени и пространстве, нежели ее понимала Н.К. Качалова. Судя по всему, с этой культурой связаны только раннеполтавкинские памятники в Нижнем и отчасти Среднем Поволжье, а также в волго-донских степях (Кияшко А.В., 2002).

Изучение полтавинской культуры пока далеко от завершения, еще слишком много вопросов остается открытыми. В настоящее время наиболее актуальным является вопрос о происхождении этой культуры. В случае его успешного решения можно будет найти ответы на многие вышеперечисленные вопросы.

Р.А. Литвиненко

ВОСТОЧНАЯ ПЕРИФЕРИЯ БАБИНСКОГО ОЧАГА КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

В 80-е годы минувшего столетия в историографии оформились два подхода к решению проблемы происхождения культурного феномена Бабино (в прежней номенклатуре — КМК). В соответствии с одним из них, все локальные варианты культуры складывались параллельно на различных местных подосновах, а потому являются синхронными (Березанская, 1982; 1986). Согласно другому подходу, основанному на разработках С.Н. Братченко (1976; 1977; 1985), первоначальное сложение бабинской культуры (БК) происходило на основе харьковско-воронежской (среднедонской) катакомбной культуры в зоне лесостепи Среднего Дона, Донетчины и Орель-Самарского междуречья, где сосредоточены древнейшие памятники этого круга. Отсюда же происходило распространение культуры в другие районы Причерноморья, в ходе которого исходный культурный импульс, накладываясь на местные субстраты, приводил к формированию локально-хронологических вариантов БК (Шарафутдинова Э., 1987; 1990; 1995; Савва, 1990; 1992).

Развивая указанные положения, автор этих строк предложил методику выделения первичного очага сложения БК, основанную на картографировании курганных могильников, содержащих различные категории надежно датированных вещей. Анализ продемонстрировал практически полное наложение

ареалов всех ранних артефактов и, таким образом, определил область распространения древнейших памятников культурного круга Бабино: в пределах условного треугольника, ограниченного Северским Донцом, Днепром и Азовским морем (Литвиненко, 1996; 2001). Таким образом, Азово-Днепро-Донецкий регион можно рассматривать как область *очага бабинского культурогенеза* (см. рис. 1, 1). Именно отсюда, начиная с конца раннего этапа, прослеживается расширение культурного ареала Бабино в восточном и западном направлениях, связанное в основном с процессами миграционного характера.

Обоснование очага культурогенеза, кроме всего прочего, предполагает определение и его периферии. К такой постановке вопроса мы неоднократно подходили и ранее, при этом предварительно очерчивая круг тех памятников и культур, которые могли представлять окружение ранней БК на востоке — в Подонье, Поволжье, Северо-Западном Прикаспии и Прикубанье: финальнокатакомбные (посткатакомбные) среднедонские, волго-донские, восточноманычские, предкавказские, батуриные (Литвиненко, 1998, с. 49; 2000, с. 69—71; 2001, с. 168—169). Еще некоторое время назад эта восточная периферия раннего Бабино представлялась не очень определенно, однако в достаточной степени, чтобы даже предварительно разделять ее на две области: волго-донскую и предкавказскую, условная граница между которыми вырисовывалась в районе сближения больших излучин Дона и Волги. Пополнение фонда источников позволило сделать существенные дополнения по интересующему нас вопросу. Главное — это выделение пока небольшой, однако цельной, группы памятников в степи-лесостепи Доно-Волжского междуречья, начало которой положили раскопки Жареного бугра под Саратовом (Монахов, 1984). Сейчас нам известно уже шесть подобных комплексов, характеризующихся устойчивым набором признаков (см. рис. 1, 3): как правило, основное положение в кургане, ямная конструкция могилы, скорченное левобочное положение умершего с ориентацией в восточный сектор и направленностью рук к тазу и бедрам, сопровождение напутственной пищей (преимущественно мясо мелкого копытного животного) и инвентарем в виде костяных и роговых кольцевых «пряжек»: Жареный бугор, 3/1 (Монахов, 1984), Власов-

ский I, 7/1 (Синюк, 1989), Короли, 4/3 (Мамонтов В.И.), Верхний Балыклей, 4/4 (Скрипкин А.С.), Большая Дмитриевка II, 1/6 (Матюхин А.Д.), Линево, 6/6 (Сергацков, 2003). Этот же горизонт маркирует и находка кольцевой пряжки на Мостищенском I городище (Синюк, 1987; Синюк, Березуцкий, 2001; Литвиненко, 2002), доводящая количество диагностируемых памятников до семи. Фоном для них является более пяти десятков аналогичных по обряду, но в основном безынвентарных, погребений, выделенных недавно А.В. Кияшко в особую группу, предположительно отнесенную им к восточному «локальному варианту КМК» (Кияшко, 2004).

В определении культурно-хронологической позиции описанных памятников важное значение имеют как данные стратиграфии (следование за катакомбными и предшествование покровским), так и немногочисленный инвентарь. Ранее мы предметно останавливались на том, что известный сосуд из Жареного бугра, 3/1 имеет уже не катакомбный, а посткатакомбный облик и может быть сопоставлен с керамикой БК (Литвиненко, 1999, с. 70). Кольцевые «пряжки» из комплексов Волго-Донья также находят прямые аналогии в культуре Бабино, причем не только I (раннего), но и II (среднего) этапов¹, что свидетельствует о хронологической протяженности интересующей нас группы памятников и синхронности ее двум первым периодам БК. Даже картографирование одних только диагностических комплексов (с «пряжками») позволяет очертить ареал этого типа памятников достаточно определенно: область степи и лесостепи Доно-Волжского междуречья (см. рис. 1, 1). Становится очевидным, что выделенные памятники представляют собой культурное явление, в какой-то степени родственное (исходя из близкой генетической подосновы — катакомбной) и параллельное культуре Бабино (Литвиненко, 1998, с. 49). Решение вопроса об их культурно-таксономическом соотношении, очевидно, будет зависеть от накопления источников в Доно-Волжском регионе, исследованном пока весьма неравномерно. Предварительное же сопоставление двух культурных массивов свидетельствует о том,

¹ Кроме четырех кольцевых «пряжек» (раннего типа), известны 2 изделия с бортиком вокруг отверстия (Короли, 4/3, Линево, 6/6), маркирующие следующий этап развития этой категории артефактов.

что в Азово-Днепро-Донецком регионе, по сравнению с Доно-Волжским, процессы культурной трансформации в посткатакомбное время проходили более активно, что проявляется в мощном курганном строительстве, углубленной социальной дифференциации, признаках военной активности и широтных миграций (Литвиненко, 2003). Не исключено, что процесс трансформации среднедонской и волго-донской позднекатакомбных культур имел стимулированный характер и складывавшееся на их основе культурное образование представляло собой северо-восточную периферию именно бабинского очага культурогенеза.

Юго-восточная же периферия (или окружение) этого очага вырисовывается в ином культурном облике, сформировавшемся в процессе трансформации позднекатакомбных групп степного Предкавказья — восточноманычской, возможно предкавказской. Представлен он несколькими обрядовыми группами захоронений в Н-видных катакомбах и ямах с достаточно устойчивым инвентарным комплексом, наиболее диагностическими в котором являются сравнительно многочисленные украшения и детали костюма (см. рис. 1, 4). Относительная хронология данной культурной группы, для которой предложено название «лолинской» (Мимоход, 2003), определяется на основании курганной стратиграфии (перекрывание классических восточноманычских катакомб и предшествование ранним срубникам с покровскими чертами) и погребального приданого. Интересующий нас вектор сопоставлений (с БК) выделяет следующие диагностические категории инвентаря: ожерелья из бус, спиральных пронизей и клыков животных, костяные «пряжки» и «конусы» (Братченко, 1995; Litvinenko, 2002; Мимоход, 2002; 2003). Из множества фаянсовых и каменных бус следует выделить не только двух- и трехрожковые типы, но также лепестковидные, известные в раннебабинских комплексах (последние — только в районах Нижнего Подонья). Бронзовые спиральные пронизи крайне редки как в бабинских, так и лолинских памятниках, однако широко представлены в синхронных памятниках гинчинской культуры Северо-Восточного Кавказа (Магомедов, 1998). Костяные поясные пряжки из Предкавказья представлены двумя разновидностями, одна из которых встречена в катакомбах Восточного Маныча (Чограй VIII, 34/1; Кевюды, I 3/5) и имеет элементы морфологического сходства с раннебабинскими пряжками-запон-

ками, возможно являясь более ранней, по отношению к другой разновидности, известной по захоронениям в ямах из Ставрополя (Ильинский I, 1/6; Ипатово II, 2/13; Типки I, 2/4). Так называемые «конусы», сделанные путем просверливания проксимальной суставной поверхности и заострения дистального конца проксимальной фаланги крупного копытного животного, также следует выделить в категорию датирующего инвентаря (Мимоход, 2003, с. 107). Они происходят из трех посткатакомбных комплексов Предкавказья: Веселая Роща III, 25/2; Калиновский, 1/7; Цаган-Усн III, 6/2 (Державин, 1989; Державин, 1989; Арапов, 1987) и из двух или трех погребений БК: Хамуш-Оба, 2/8; Юдинский III, 2/7; возможно, Четыре брата II, 12/10 (Евглевский, 1991; Яценко, 1997; Романовская, 1974), а также поселения Раздольное (Горбов, Усачук, 2001). В сравниваемых культурных группах «конусы» имеют одинаковый погребальный контекст: во всех случаях они приурочены к захоронениям детей-подростков и половина из них находилась в составе игровых наборов из астрагалов животных (Калиновский, 1/7; Хамуш-Оба, 2/8; Четыре брата II, 12/10 — ?), что определяет направление поиска по выяснению их функциональной нагрузки, которую, на наш взгляд необоснованно, сводят к функции рукояток. О единстве истоков данной традиции свидетельствует и то обстоятельство, что все бабинские находки «конусов» территориально тяготеют к Нижнему Дону, то есть области, граничащей со степным Предкавказьем. Перечисленные аналогии позволяют в целом синхронизировать выделенный горизонт Калмыкии и Ставрополя (лолинская группа) с БК Северного Причерноморья. Сосуществование этих культурных групп косвенно подтверждается и картографией, демонстрирующей их соседствующее положение и соприкосновение в левобережье Нижнего Дона (см. рис.1, 1).

Выделенные в качестве восточной периферии бабинского очага культурогенеза группы памятников Доно-Волжского междуречья и Предкавказья, вместе с культурой Бабино, при сохранении традиций предшествующего периода, по сути своей являются уже посткатакомбными образованиями, а потому должны рассматриваться в рамках переходной от средней к поздней бронзе эпохи, знаменовавшей распад блока катакомбных и шнуровых культур.

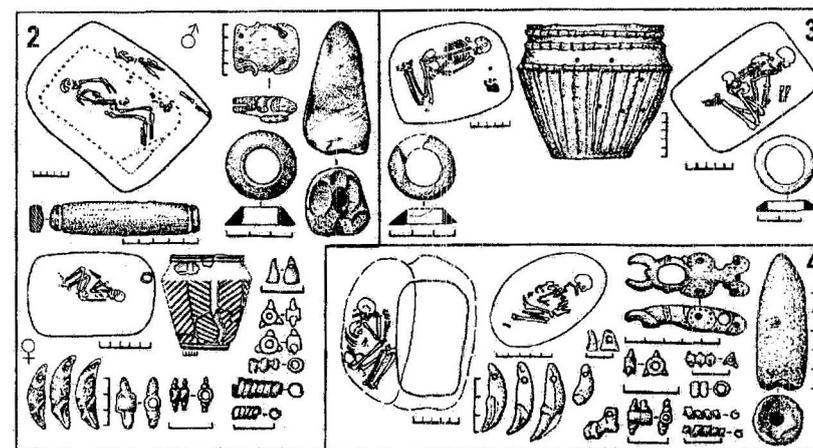
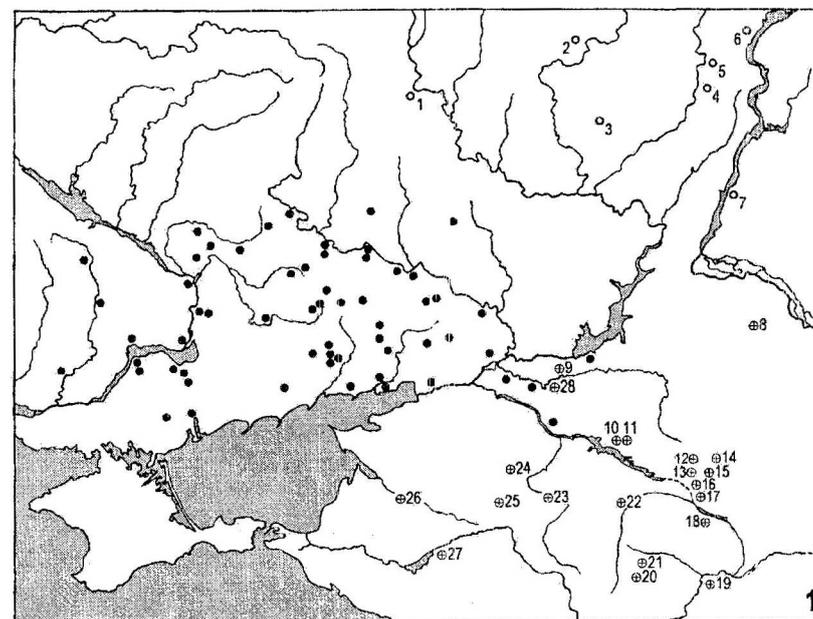

Рис. 1. Очаг бабинского культурогенеза:

- 1 — бабинский очаг культурогенеза и его восточная периферия;
- — могильники культуры Бабино с находками ранних кольцевых «пряжек»
- — могильники волго-донской посткатакомбной культуры с находками кольцевых «пряжек»: 1 — Мостище I; 2 — Власовский I, 7/1;

- 3 — Короли, 4/3; 4 — Линево, 6/6; 5 — Большая Дмитриевка II, 1/6;
 6 — Жареный бугор, 3/1; 7 — Верхний Балыклей, 4/4;
 ⊕ — могильники предкавказской посткатакомбной культуры (лолинской):
 8 — Большой Царын I; 9 — Кировский IV; 10 — Лысянский I;
 11 — Лысянский III; 12 — Лола I; 13 — Хар-Зуха I; 14 — Чаган-Усн III, V;
 15 — Чограй I—III; 16 — Островной; 17 — Кевюды I; 18 — Чограй VIII;
 19 — Бияш; 20 — Веселая Роша; 21 — Калиновский; 22 — Ипатово III;
 23 — Красногвардейское; 24 — Новопалестинский II; 25 — Ильинский I;
 26 — Малаи I; 27 — Праздничный;
 2 — культура Бабино; 3 — волго-донская посткатакомбная культура;
 4 — лолинская культура

Р.А. Мимоход

ПОГРЕБЕНИЯ ФИНАЛА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ *

Попытки выделения погребений финала средней бронзы на территории Нижнего Поволжья предпринимались неоднократно (Филиппченко, 1994; Малов, Филиппченко, 1995; Шарфутдинова, 2002; Кияшко, 2003). Рассматривались они в разных культурных контекстах: позднекатакомбном (Филиппченко, 1994; Малов, Филиппченко, 1995; Матвеев, 1996; Синюк, 1996; Кияшко, 2002), позднеполтавкинском (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994; Трифонов, 2001), посткатакомбном (Отрощенко, 1998, 2001; Литвиненко, 1999), бабинском (Монахов, 1984; Отрощенко, 2003). В последнее время наметилась тенденция относить такие комплексы к финалу средней бронзы без уточнения содержания культурной атрибуции (Шарфутдинова, 2002; Кияшко, 2003). Проблемой по-прежнему остаются и поиски адекватных критериев выделения данного пласта захоронений. Так, в работе Э.С. Шарфутдиновой, являющейся на сегодняшний день наиболее полной сводкой погребений финала средней бронзы Нижнего Поволжья, учтены 46 комплексов. Однако реально к захоронениям этого времени из приведенных в работе комплексов относится только 25. В выборку попали и более ранние, собственно катакомбные захоронения, и погребения позднего бронзового века, в том числе

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №03-01-00831а/В.